

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

БУЛГАКОВА

Недавно Центральное телевидение показало фильм «Литературное наследство. Михаил Булгаков» (режиссер — Д. Чуковский, оператор — М. Голдовская, консультант — М. Чудакова, автор и ведущий — К. Симонов).

В первых же словах К. Симонова с экрана прозвучала мысль, отразившая необычность писательской судьбы, которой фильм посвящен: «Литературное наследие Булгакова — его книги, появившиеся за два последних десятилетия...»

Почти четыре десятилетия писателя нет в живых; его рукописи хранятся на полках в архиве. Но рукописи становятся книгами, ставятся фильмы, пьесы не сходят со сцены, и этот процесс естествен и неостановим. Наследие Булгакова обнаружило замечательную силу жизни, принадлежность и необходимость людям, живущим сегодня, сейчас.

Создатели подобных телевизионных фильмов, как правило, не придают особого значения месту действия. К. Симонова, особо не мудрствуя, можно было снять в его собственном кабинете, других участников — где кому удобнее. Так делается обычно. Но не так в фильме о Булгакове. И чужие кабинеты отступили, они никому не интересны. Вместо них — деловая «никакая» комната, «никакой» стол, этажи полок, горы бумаг, картонные коробки и вокруг — рукописи, рукописи. В рукописном отделе Библиотеки имени Ленина своя сосредоточенность. Кажется, она действует и на рассказчика — он тут гость, а между нами и другим писателем — посредник.

Существуют писательские дома-музеи. Мемориалы, где стирают пыль с подсвечников и рассказывают экскурсантам: «Здесь жил... За этим столом создавал... Здесь хранил рукописи...» У Булгакова нет такой квартиры. Но у него зато есть дом, где рукописи бережно хранятся и изучаются. Теперь телевидение миллионным тиражом приблизило к нам прекрасную «квартиру» Булгакова и рассказало, что там хранится. Что говорить, место действия выбрано точно.

Слагаемые фильма укладываются, в общем, в простой и строгий ряд, следуя датам жизни и литературной судьбы: фотографии, рукописи, кадры хроники, рассказы свидетелей. Но судьба такова, что поданная самым сухим перечнем фактов, она приковывает к себе внимание и уже не отпускает — до последнего кадра фильма. Простые даты человеческой жизни и работы, сопоставленные с датами истории, обретают новый смысл и второе значение, уже не частного

Мит. галерея, 1978, 13 стр.

порядка. Так, от сугубо личного к общему и обратно движется рассказ о жизни писателя и о времени, когда он писал.

Сегодня есть возможность и объяснить (это и делает в фильме К. Симонов) острые противоречия, например, в оценках «Дней Турбиных» — пьеса вышла к зрителям, у которых события гражданской войны еще буквально стояли в глазах. Сложные взаимоотношения художника с его временем сейчас можно рассмотреть объективно, лишь с тем пристрастием, которое объяснимо и оправдано заботой нашего общества о бережном сохранении всех духовных ценностей. Этой заботой пронизан и фильм.

На телевидении многое решает **интонация**, которую находят не умом, но чувством. В строгом, суховатом рассказе Симонова найдена интонация. Сознывая силу фактов, К. Симонов не окрашивает их «эмоциональными» комментариями. Он на наших глазах думает о Булгакове, проверяет свои слова о нем, касается бумаг — этого достаточно.

Булгаков — писатель и человек — во многом закрыт и не распаивается навстречу каждому. Когда эта закрытость уходит свое отражение в рассказах современников, она притягивает к себе больше, чем что-либо другое. М. Прудкин, П. Марков, В. Виленкин, Л. Славин, И. Раабен, В. Лезшин, С. Ермолинский к рассказу ведущего добавляют свое.

Постепенно из этих рассказов рядом с Булгаковым и его работой возникает образ женщины — вот ее лицо. Она не сама выходит на первый план — логика судьбы мужа ее туда выдвигает. Своему ближайшему другу С. Ермолинскому Булгаков открывает ящики письменного стола: «Ты должен знать, где что лежит. Тебе придется помогать Лене». Елена Сергеевна твердит умирающему мужу: «Я даю тебе слово, что перепишу роман... Тебя будут печатать». И Булгаков произносит в ответ последние свои слова: «Чтобы знали...»

Н. КРЫМОВА